
Однажды и меня боком зацепила история про камень, а именно про лазурит. Я рассказал её Вите. Тётя Корочка написала мне письмо: «Большая просьба к тебе, Сеничка. В Перми есть институт бытовой химии. Замдиректора этого института Пашков Октавий Леонидович — автор технологии обогащения лазурита. Узнай, пожалуйста, нельзя ли у них за наличные деньги или ещё как-нибудь получить хоть немного концентрата. Я сейчас составляю альбом выкрасок синего цвета для атласа минеральных пигментов, и в нём недостаёт оттенков. Дядя Андрюша шлёт тебе, как обычно, письмо на квадратном кусочке ватманской бумаги».

Китайская тушь, детские вытянутые буквы. «Сенинька, чёрного цвета нет. Он растворён во всех красках, как и белый. Есть три цвета — красный, жёлтый, синий. Серый — это бесконечная смесь чёрного и белого, это опаловое небо. Делакруа не нужен чистый цвет. Ему нужны оттенки. Он говорил о Веронезе: «Он мог бы написать белое, золотистое женское тело цветом, который сам по себе был бы подобен уличной грязи». Я пытался написать белую скатерть не белой краской, а приёмами старых мастеров. Смешал основные цвета при освещении стола лампой под оранжевым абажуром. Когда смотришь на льняную скатерть полужакрытыми глазами, она кажется тёмно-серой. Но если лампа бросает красное и жёлтое, скатерть должна стать ослепительно белой! Но у меня скатерть опять не получилась. Гоген видит: если гора голубая, давай сюда голубое. Не приставай ко мне, Винсент, чтобы это голубое было таким или этаким. Раз гора голубая, делай её голубой, и точка. На точке остановлюсь. Живи в радости! Чёрного цвета нет! Нет!»

Я представил, как тётя Корочка, кутаясь в шаль, пишет письмо при свете знакомой мне с малых лет зелёной лампы, а дядя Андрюша готовит краски. В полутьме на полках проступают томики народных сказок, многоразово читанные мною. Потом тётя Корочка идёт на Кировскую, на глав-

почтамт, чтобы письмо быстрее долетело до Перми. Она проходит мимо стеклянного дома, облицованного розовым туфом, голубые тени облаков проплывают по его прозрачным стенам. Машины могут проезжать под этим висющим в воздухе домом из Лучезарного города Ле Корбюзье. Потом она заходит в магазин, который в народе зовут «китайским», — купить к чаю коробку печенья «Садко». В детстве я побаивался спрятавшихся в стенах каменных дракончиков. Зато внутри магазина запах молотого кофе, огромные вазы, разрисованные чайными розами и цветущими вишнями. Письмо в Пермь сбрасывалось в большой ящик для авиапочты в высокоом зале главпочтамта, похожем на вокзал, с двойными рядами балконов.

— Лазурит? — Пашков задумался. Он прочно сидел в кресле, положив руки на стол, смотрел на меня и думал. Его тихий голос был рассчитан на то, что он будет услышан, каким бы тихим он ни был. Он был деловым человеком в роговых очках, занятым и усталым.

— Нет, лазуритом я сейчас не занимаюсь. Наш институт изменил профиль, мы занимаемся только бытовой химией. Моющие средства...

КРАСОТА МИНЕРАЛА — ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ВНУТРЕННЕЙ КРАСОТЫ. В БРАЗИЛИИ «ВСЁ ГОЛУБОЕ» ЗНАЧИТ «ВСЁ ХОРОШО»

Перед Пашковым лежала программа совещания и стопа докладов.

— Да, моющие средства, отбеливатели...

«Ну что ж, — подумал я, — на нет и суда нет. Надо уходить».

— А когда-то я занимался лазуритом.

Его слова предполагали как будто и продолжение разговора.

— Толстихину Конкордию Ивановну я знаю по публикациям. А вы что, знакомы с ней?

Рассказать ли о Москве 41-го года, разбитом доме Корбюзье, о том, как осколки стекла нестерпимо блестят и хрупают под ногами? Или 44-й год. «Приходи к нам ужинать, Сеничка.

Приходи обязательно. Знаешь, что будет? Омлет».

Омлет! Даже банку из-под ленд-лизингового яичного порошка помню, покрытую слоем парафина, проведёшь ногтем — срезается, скручиваясь, тонкая парафиновая стружка. Или рассказать о книжке, которую мне дала когда-то тётя Корочка, — Ферсман, «Цвета минералов»?

Я встал, посмотрел в хмурые глаза Пашкова:

— Да, мы знакомы.

— Подождите. Куда вы так спешите? Вы что, лазуритом занимаетесь?

— Нет, я нефтяник.

— Я долго занимался лазуритом, очень долго. Мы сами сделали лабораторную установку. Из двух килограммов руды получали пятьдесят-шестьдесят граммов концентрата. Я могу вам много чего рассказать о дебрях обогащения.

Пашков нажал на кнопку и сказал в микрофон:

— Зою Серафимовну. — Повернулся ко мне. — Так вот, о дебрях обогащения. В Иркутском управлении не могли получить даже пигмента. Да и у нас один тигель хороший, а другой чуть-чуть синеватый.

Зачем мне это знать?

— Зоя Серафимовна, Толстихина лазуритом интересуется, — сказал Пашков вошедшей женщине, выдвинул центральный ящик стола, для чего ему пришлось сдвинуться к стене со своим вращающимся креслом. Достал штучку известняка. Васильково-синие вкрапления проступали по вмещающей породе.

Я потянулся к камню.

— Да вы сами посмотрите. — Пашков поворачивал камень перед моими глазами, как бы предьявляя синие глазки. — Делаешь шлиф из этого... вот этого, самого синего... и получаешь нечто бесцветное... интимнейшее прораствание. Красота минерала — отраже-